

Чэн Юэ чуть не поперхнулся снова:

— Ты не мог бы сохранить хоть немного достоинства!

Бай Сяо:

— Достоинство не накормит.

У Чэн Юэ перехватило дыхание, он изо всех сил сдерживал желание выплеснуть воду из стакана ему в лицо.

Ему казалось, что его десятилетия воспитания вот-вот пойдут прахом.

Он поставил стакан с водой, скрестил руки на груди и, нахмурившись, уставился на Бай Сяо:

— У меня нет интереса к содержанию. Немедленно положи вещи и проваливай! Иначе я вызову охрану.

И тогда он воочию увидел, как Бай Сяо из бесстыдного вида превратился в жалкого, опустил веки, помолчал некоторое время.

А затем уныло пробормотал:

— Не будь таким жестоким...

Выглядело так, будто это его, Чэн Юэ, обидел.

... Да кто кого вообще обижает?!

Чэн Юэ подавил желание схватиться за лоб и решил больше не обращать на него внимания.

Только вот он едва повернулся, как услышал тихий голос сзади:

— Директор Чэн, на самом деле... Я просто хотел быть рядом, чтобы заботиться о вас.

В том голосе звучала доля уныния и чуть-чуть... нежности?

Сердце Чэн Юэ дрогнуло, его шаг непроизвольно замедлился. Он невольно задумался: а не слишком ли он груб, раз за разом прогоняя Бай Сяо прочь.

Но в следующую же секунду Бай Сяо вновь воспрял духом:

— Так что давайте вы меня узнаете получше, я очень послушный, скажете идти на восток — ни за что не пойду на запад, попросите разделить ложе — ни за что не усну один!

Чэн Юэ глубоко вдохнул, обернулся и мрачно посмотрел на него:

— Хах, еще и разделить ложе? Мечтать не вредно!

Как же хотелось прижать его лицо к земле! В лепешку!

— Эй... — Бай Сяо, видя, что тот уходит в гостиную, тут же последовал за ним. — Не делить ложе тоже можно... Я еще и телохранителем могу работать... Я и драться очень хорошо умею!

— О? Правда? Может, продемонстрируешь?

Бай Сяо:

...

Если реально начать драться, то ощущение будет, как в детстве, когда приходящие в гости дяди и тети просили показать какой-нибудь номер.

В детстве это еще куда ни шло, но сейчас... как-то неловко... Реально устроить такое в гостиной — чувствуешь себя нелепо...

Он слегка кашлянул, немного смущенно сказав:

— Демонстрацию лучше пропустим, я продаю тело, а не искусство...

Чэн Юэ:

...

Кажется, он пытается меня рассмешить, но мне совсем не смешно, наоборот, очень хочется прибить его.

Висок задрожал, Чэн Юэ схватил первую попавшуюся подушку и швырнул ее в Бай Сяо:

— Ты уже поел, теперь проваливай!

Бай Сяо, ловкий как кошка, поймал подушку, обнял ее и уселся рядом с Чэн Юэ:

— Если я уйду, ты не получишь ожерелье!

Он хотел что-то добавить, но увидел, как Чэн Юэ нетерпеливо сделал ему жест «стоп» рукой.

Это хороший знак, похоже, он готов к диалогу.

Бай Сяо с надеждой смотрел на него.

Чэн Юэ взял со столика два стакана с водой. Один — тот, что он принес ранее, отпил всего глоток. Другой — тот, из которого немного отпила тетя Мэй, он был почти полон.

— Держи, — сказал Чэн Юэ.

Бай Сяо тут же отшвырнул подушку за спину.

Чэн Юэ вложил по стакану в каждую его руку и сказал:

— Держи крепко. Ни капли не пролей.

Бай Сяо не понимал, что он задумал, но кивнул, изобразив покорность.

Чэн Юэ вдруг слегка улыбнулся ему.

Увидев эту улыбку, Бай Сяо застыл на месте, сердце заколотилось.

В следующее мгновение Чэн Юэ запустил руку в карман его куртки.

...!!!

Бай Сяо широко раскрыл глаза, не веря своим глазам, глядя на Чэн Юэ — как, так можно было?!

Теперь уже ставить воду было поздно, к тому же оба стакана были довольно полные. Если он сейчас попытается остановить Чэн Юэ, вода наверняка окажется на них обоих. Более того, он не смел просто так касаться Чэн Юэ, ведь тот был беременен.

Поэтому ему оставалось лишь беспомощно наблюдать, как Чэн Юэ быстро вытаскивает что-то из его кармана.

Чэн Юэ:

...

Бай Сяо:

...

Они уставились друг на друга.

Чэн Юэ, не сдаваясь, обшарил все его карманы.

— Хулиганство...

— Заткнись!

Перерыв все карманы, Чэн Юэ не нашел ничего.

Он взял то, что только что вытащил из кармана Бай Сяо, рассмотрел пару секунд и спросил:

— Это то, что ты держал в руках?

Бай Сяо уставился в пол:

— Да...

Утром, ожидая его в кабинете агента, Бай Сяо увидел резинку, брошенную на столе — вероятно, ею перевязывали визитки.

От нечего делать он взял ее, поиграл, а когда пришел агент, машинально сунул в карман.

А потом, за дверью, вокруг были золотые-золотые листья гинкго. Думая о Чэн Юэ, он машинально собрал несколько листьев, стал их сворачивать слой за слоем, пока не получился маленький цветок. Затем собрал черешки вместе и перевязал резинкой.

Теперь этот цветочек был измятым до неузнаваемости, почти рассыпался. Чэн Юэ, сжав его, держал перед их лицами, и от его гнева цветок словно дрожал.

— Если хочешь, я тебе его подарю...

Чэн Юэ проигнорировал его, просто швырнул жалкий цветок на журнальный столик и снова глубоко вдохнул:

— А ожерелье где?

Бай Сяо поспешно поставил стаканы на столик, развел руки в жесте капитуляции:

— У меня... Но я не взял его с собой... Я ведь спешил сюда, как я мог подумать взять его!

Чэн Юэ почувствовал, что тот, кто оставил его обедать, — полный идиот. Он схватил Бай Сяо за воротник, поднял его и потащил к двери.

— У меня, правда у меня! Отпусти, я тебе покажу! У меня в телефоне! Я сфотографировал!

Бай Сяо чувствовал, что еще можно спасти ситуацию, но не решался реально сопротивляться, поэтому лишь оправдывался, пока его тащил Чэн Юэ.

— согласишься содержать меня — получишь ожерелье! Иначе я оповещу весь свет, что это твой залог любви мне!!!

Чэн Юэ оставался непреклонным, распахнул дверь и вышвырнул его наружу, холодно бросив два слова:

— Не дожدهшься!

Хлоп! Дверь снова захлопнулась перед носом Бай Сяо.

Бай Сяо:

...

Дверь внезапно снова открылась.

Бай Сяо поспешно крикнул:

— Я верну тебе вещь!

Чэн Юэ выкинул ему его обувь, бросил сердитый взгляд и рявкнул:

— Проваливай!

Дверь снова грохнула.

Бай Сяо:

...

Ну... что ж, по крайней мере, в этот раз покушал?

Внутри тетя Мэй наконец-то вышла, помыв посуду:

— Ой, а что такого опять натворил Бай Сяо? Ты опять его ругаешь...

Он этого заслуживает!

Чэн Юэ поправил одежду и поднялся наверх.

Хотя ожерелье еще не было возвращено, почему-то на душе стало необычайно легко, давно он так не чувствовал себя.

*

Бай Сяо потер нос, беспомощно переобулся и поставил домашние тапочки у порога.

Повернулся — подул ветер, желтые листья закружились и поплыли вниз...

Ветер свищет в ущелье, река холодна... Герой, уходящий... еще вернется!

Бай Сяо внутренне подбодрил себя.

На самом деле он разглядел подавленность и сопротивление Чэн Юэ. Для такого человека назойливость — не самый плохой подход.

Вообще-то, Чэн Юэ довольно забавный.

С улыбкой в глазах он взглянул на плотно закрытую дверь, вернулся к своему обычному расслабленному и беззаботному виду и неспешно удалился.

Вечером, вернувшись, Бай Сяо отправил фотографию ожерелья тете Мэй. Увидев, что вещь действительно у него, тетя Мэй успокоилась.

Ожерельем это называлось условно, на самом деле это был маленький замок долголетия.

Вернувшись домой вечером, Бай Сяо долго разглядывал этот замок долголетия.

Такие замки обычно дарят детям, серебряные, не слишком ценные. Но этот замок был тонкой работы, с изящным узором, наверное, и недешевый.

Было видно, что этот замок долголетия носят на себе постоянно: он выглядел поношенным, но заметно, что владелец его берег, вероятно, часто чистил — он был очень чистым, но края и узор уже имели следы износа.

Изначально замок, наверное, был на красной нити, но, возможно, нить слишком истончилась, и хозяин заменил ее на серебряную цепочку. Не длинную и не короткую, как раз чтобы спрятать под одежду, под рубашку не видно, никто не заметит.

Наверное, подарок кого-то из близких.

Думая о том, как днем Чэн Юэ обшарил все его карманы в поисках этого замка долголетия и как сердился, Бай Сяо вдруг улыбнулся, глаза его стали узкими-узкими, полными нежности.

<http://bllate.org/book/15597/1390759>